ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА**Проблемы и перспективы развития КНДР:
прогноз 2021**

© 2021

DOI: 10.31857/S013128120016161-8

Асмолов Константин Валерианович

Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра корейских исследований Института Дальнего Востока РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0003-1584-2748. E-mail: asmolov@ifes-ras.ru.

Захарова Людмила Владимировна

Кандидат экономических наук, ученый секретарь Института Дальнего Востока РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0001-6164-3518. E-mail: zakharova@ifes-ras.ru.

Статья поступила в редакцию 03.08.2021.

Аннотация:

Начиная с 1990-х годов в мире вышло немало публикаций, предрекающих скорый «крах северокорейского режима» или смену власти в стране. Однако пока что этого не произошло, и КНДР продолжает существовать в своем прежнем виде. Что приводит к подобным хронически не сбывающимся прогнозам в отношении Северной Кореи, и каковы альтернативные варианты будущего этой страны в краткосрочной и среднесрочной перспективе?

Отталкиваясь от ряда несбывшихся предсказаний последнего времени, авторы пытаются объяснить причину этих неудач, тесно связанную с идеологическими рамками, нехваткой информации и зависимостью от определенных источников, что приводит к недооценке возможностей КНДР и неверной интерпретации данных, когда любое событие видится признаком скорого коллапса режима. На основе теоретических подходов Г. Таллока и В.И. Ленина в статье выделены основные типы современных угроз нынешнему политическому режиму (внешнее вторжение, переворот внутри элиты, экономический крах, массовые протесты), а также вероятность их воплощения в жизнь при действующей политике руководства КНДР.

На основе анализа факторов, способных повлиять на ситуацию в Северной Корее, авторы описывают несколько сценариев развития событий в краткосрочной и среднесрочной перспективе. На первом месте по степени вероятности выделяется вариант сохранения статус-кво с пребыванием у власти нынешней правящей элиты. Среди менее вероятных сценариев — «китаизация» вследствие усиления влияния Пекина на Пхеньян; военное обострение, способное привести к вооруженному конфликту на Корейском полуострове; политический и экономический кризис в КНДР.

Ключевые слова:

Северная Корея, внутренняя политика КНДР, экономика КНДР, Ким Чен Ын, сценарное прогнозирование.

Для цитирования:

Асмолов К.В., Захарова Л.В. Проблемы и перспективы развития КНДР: прогноз 2021 // Проблемы Дальнего Востока. 2021. № 4. С. 134–147. DOI: 10.31857/S013128120016161-8.

О трудностях прогнозирования

Когда на VI слете секретарей партийных ячеек в середине апреля 2021 года Ким Чен Ын объявил, что все партийные организации ждёт «новый трудный поход»¹, это быстро вылилось в волну заголовков с единым посылом «в Северной Корее снова начинается голод» и рассуждений на ту же тему, как в СМИ, так и в кругах экспертов. Немногим ранее известный правоконсервативный специалист по Корее Виктор Ча опубликовал в «Вашингтон пост» статью о том, что крах северокорейской экономики произойдёт примерно в течение ближайшего года².

Если вспомнить более ранние прогнозы, к нынешнему времени Северная Корея вообще должна была прекратить своё существование. По данным опроса Института международных отношений Ильмин (Республика Корея), на вопрос о том, сколько лет продержится режим Ким Чен Ына, в 2014 году более 55% опрошенных южнокорейских экспертов ответило «менее 10 лет»³. Российской аудитории более известен материал, подготовленный специалистами ИМЭМО РАН осенью 2011 г., в котором утверждалось, что после того как власть перейдёт от Ким Чен Ира к наследнику, в стране случится «кризис неопределённости» у правящего класса, и в результате конфликта силовых структур с гражданскими бюрократами процесс объединения Кореи вступит в свою практическую фазу по сценарию «поглощения» Севера Югом⁴.

Что ведёт к тому, что подобные прогнозы систематически не сбываются и Северная Корея продолжает существовать? На взгляд авторов, есть две основных причины. Первая — в том, что прогнозы делаются в рамках определённой парадигмы, утверждающей, что авторитарные режимы рано или поздно будут свергнуты, поскольку не могут быть жизнеспособными сами по себе. Это хорошо видно по обсуждению КНДР на мероприятиях, которые проходят не в кругу специалистов по Корее, понимающих эндемику ситуации, а в более широкой аудитории, на которую идеологические штампы действуют значительно сильнее. Но если мы сразу очерчиваем рамки обсуждения заявлениями про «70 лет казарменного коммунизма» или вешаем на КНДР ярлык «сталинистского государства», это задаёт контекст обсуждения и маргинализирует иные точки зрения. Между тем, когда подобное мероприятие начинается с рассуждений о том, что раскол Кореи и последующая судьба Севера и Юга оказались идеальными примерами того, что делают с людьми рыночная демократия, с одной стороны, и тоталитарный коммунизм — с другой, хочется напомнить, что перевес Юга над Севером по ключевым показателям произошёл только в первой половине 1970-х годов. А вплоть до начала 1960-х ситуация вообще была противоположной: активно прогрессирующий Север и пребывающий в разрухе, диктатуре и коррупции Юг.

Вторая причина — нехватка источников, связанная с информационной закрытостью КНДР и недоверием к официальным источникам из-за обилия антисеверокорейской

1. 김정은원수님께서조선로동당제6차세계포비서대회에서하신폐회사 : [Речь Ким Чен Ына на закрытии 6-го съезда секретарей партийных ячеек] // *Чосон Синбо*. 09.04.2021.
URL: <https://www.chosonsinbo.com/2021/04/9-34/> (дата обращения: 19.07.2021).
2. Victor Cha. Opinion: North Korea could become one of Biden's biggest challenges — and not just because of its nukes. // *The Washington Post*. January 17, 2021.
URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2021/01/15/why-north-korea-could-become-one-bidens-biggest-challenges/> (accessed: 19.07.2021).
3. Future of North Korea. Expert Survey Report. July 2014. Ilmin International Relations Institute. P. 4.
URL: https://www.ncnk.org/resources/publications/IIRI_Expert_Survey_Report_-Eng.pdf (accessed: 08.05.2021).
4. Стратегический глобальный прогноз 2030. Расширенный вариант / Под ред. ак. А.А. Дынкина. М.: Магистр, 2011. С. 389–390.

пропаганды. В результате исследователи, отрицая одну пропаганду, всецело верят другой, принимая за истину любую информацию от структур, утверждающих, что они владеют данными с мест, или так называемых карьерных перебежчиков, которые, желая обеспечить себе определённый уровень комфорта, превратились в профессиональных рассказчиков страшилок.

Сочетание этих двух моментов ведёт, во-первых, к тому, что достижения КНДР систематически недооцениваются и либо заносятся в разряд потёмкинских деревень, либо объявляются результатом действий внешних сил. По мнению авторов, это частично сыграло свою роль в недооценке развития северокорейской ракетно-ядерной программы. Второе следствие заключается в том, что, изначально веря в скорый конец Севера, подобные исследователи интерпретируют любые новости как очередное подтверждение такового, зачастую игнорируя реальный контекст.

Хорошим примером является ситуация вокруг высказывания Ким Чен Ына о «трудном походе». Если в западной литературе эта фраза используется как указание на период 1995–1998 годов с голодом, лишениями и т.п., то в северокорейской пропагандистской повестке она означает не столько данный отрезок времени, сколько успешно преодоленные мытарства.

Из полного контекста выступления Ким Чен Ына и его более ранних выступлений на подобную тематику видно, что он имел в виду. Лидер КНДР уделяет много внимания восстановлению роли Трудовой партии Кореи (ТПК) как морального авангарда, ради чего партийцам придётся претерпеть определённые лишения, чтобы действительно повести людей за собой. Именно в этом контексте Ким Чен Ын упомянул о «новом трудном походе».

Совокупность указанных факторов сформировала характерный тренд — пророчить скорый конец Северной Корее в течение ближайших двух-трёх лет. Так, в 2013 г. RAND Corporation выпустила доклад с характерным названием "Готовясь к коллапсу Северной Кореи"⁵, где утверждалось, что КНДР «внезапно разрушится в ближайшие месяцы или годы», а в 2019 г., несмотря на неудачный предыдущий прогноз, повторила тезис о том, что «коллапс режима может произойти без особого предупреждения и будет иметь катастрофические последствия»⁶. Книга Николаса Эберштадта «Конец Северной Кореи»⁷ также продолжает активно цитироваться.

Как отмечает портал 38North, идея скорого коллапса КНДР во внешнеполитическом мышлении США «является постоянным заблуждением, почти мифологией»⁸, что существенно затрудняет решение ядерной проблемы и выработку действенной политики в отношении этой страны. Например, поскольку все ждут скорого краха режима, визави Севера часто или заведомо не собираются исполнять данные обязательства или заключают соглашения в расчёте на то, что их не придётся исполнять.

Складывается впечатление, что никто всерьёз не пытался провести работу над ошибками и ответить на вопрос: почему к указанному сроку режим не рухнул? В лучшем случае наблюдаются попытки объяснять это в рамках парадигмы «кровавый режим угнетает и обольванивает народ, поэтому он до сих пор не восстал».

-
5. *Bruce W. Bennett*. Preparing for the Possibility of a North Korean Collapse // *RAND Corporation*. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR331.html (accessed: 19.07.2021).
 6. *Gian Gentile, Yvonne K. Crane, Dan Madden, Timothy M. Bonds, Bruce W. Bennett, Michael J. Mazarr, Andrew Scobell*. Four Problems on the Korean Peninsula. North Korea's Expanding Nuclear Capabilities Drive a Complex Set of Problems // *RAND Corporation*. URL: <https://www.rand.org/pubs/tools/TL271.html> (accessed: 19.07.2021).
 7. *Eberstadt N.* The End of North Korea. AEI Press, 1999.
 8. *Kim Ki Ang, Choi Eun-ju*. The Fallacy of North Korean Collapse // *38NORTH*, February 1, 2021. URL: <https://www.38north.org/2021/02/the-fallacy-of-north-korean-collapse/> (accessed: 19.07.2021).

Представляется, что прогнозирование северокорейского будущего чрезвычайно важно, однако методика этого прогноза должна быть иной. Сначала мы рассмотрим основные факторы, влияющие на ситуацию, или вызовы северокорейскому статус-кво, а затем попытаемся описать несколько вариантов развития событий, распределив их по степени вероятности.

Об устойчивости КНДР на современном этапе

Западные авторы обычно используют для анализа устойчивости режима теорию триады угроз по Г. Таллоку. По его мнению, у авторитарного режима есть обычно три варианта плохого конца: 1) народные восстания и подобные действия несистемной оппозиции; 2) заговоры внутри элиты; 3) внешнее вторжение⁹, причем самой распространенной причиной лишения власти является внутриэлитный переворот¹⁰. Последнее доказывается расчетами М. Своллика: из 303 диктаторов, отстраненных от власти в период с 1945 по 2002 год, только 30 были свергнуты народным восстанием, зато 205 потеряли власть в результате переворота¹¹.

С точки зрения авторов данной статьи, используемое Г. Таллоком деление на три типа угроз не совсем верно, так как в значительном количестве случаев невозможно выделить только одну причину смены режима. Довольно часто две или все три причины присутствуют одновременно, как это было, например, в Ливии. Представляется, что падение тоталитарного или авторитарного режима в целом соответствует ленинским критериям революционной ситуации¹², которые в нынешних условиях можно реинтерпретировать.

В отличие от Г. Таллока, Ленин указывает на одновременное наличие трёх факторов: широко распространённое недовольство существующим режимом; неспособность режима к эффективному управлению, в том числе к подавлению протеста; наличие у протестующих структуры, которая сыграла бы роль руководящей и направляющей силы.

Кроме того, можно уточнить, что нежелание жить по-старому задевать людей должно действительно серьёзно. Условно говоря, есть голодный протест, когда люди выходят на митинг, не боясь пуль, и сытый протест, когда люди выходят в полной уверенности, что «власти не посмеют» жёстко реагировать на их действия. Отсюда — необходимость «резкого обострения нужды и бедствий», которое применительно к КНДР связывают с вероятным крахом экономической системы, способным вызвать голод, массовые беспорядки и т.п. В последнее время в качестве такого спускового крючка рассматривается сценарий, при котором в стране начинается эпидемия коронавируса.

Расширенный второй фактор предполагает кризис управленческой и репрессивной систем как из-за невысокой лояльности государственных чиновников и силовиков власти, так и из-за их коррупционного разложения.

Третий ленинский признак, который он считает субъективным — наличие партии или иной организованной структуры, которая будет координировать и направлять действия протестующих. Для организации актов, более серьезных, чем спонтанные протесты, требуется инфраструктура или хотя бы прослойка людей, которые в критической ситуации могут такой инфраструктурой стать.

Исходя из вышесказанного, можно выделить четыре типа угроз существованию КНДР, которые вполне могут сочетаться:

9. *Tullock, Gordon. Autocracy. Dordrecht: Springer Media, 1987. P. 9–10.*

10. *Tullock, Gordon. Autocracy. Dordrecht: Springer Media, 1987. P. 10, 35.*

11. *Svolik, Milan. Power Sharing and Leadership Dynamics in Authoritarian Regimes. American Journal of Political Science 53, no. 2 (2009): P. 477–494.*

12. *Ленин В.И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме // Ленин В. Полное собрание сочинений. Т. 41. С. 69–70.*

- внешнее вторжение (при наличии внутреннего повода или без него);
- государственный переворот как переход власти к иной группе элит;
- аналог «арабской весны», предполагающий смену режима в результате массовых беспорядков и народных протестов;
- глубокий экономический кризис, вызывающий резкое падение уровня жизни населения и способный существенно увеличить вероятность ранее перечисленных сценариев.

Ниже мы рассмотрим каждую из этих угроз и действия Пхеньяна для противодействия им.

Внешнее вторжение. Главная гарантия его отсутствия — действующая ракетно-ядерная программа, которая не даёт шансов победить в противостоянии со сверхдержавами, но ее наличие заставляет возможных противников задуматься о цене победы.

Северная Корея вышла на минимальный уровень ядерного сдерживания, при котором вероятность её успешного ответа не может быть проигнорирована с точки зрения возможных потерь, которые понесут США и их союзники, обесценив потенциальные выгоды от ликвидации КНДР. Это значит, что «маленькая победоносная война» против диктатуры, скорее всего, либо не состоится, либо не будет маленькой и без потерь. По мере развития северокорейской ракетно-ядерной программы вероятность этих сценариев будет увеличиваться.

Антипхеньянская пропаганда нередко рассматривает сценарий объединения в результате проигранной войны, когда КНДР атакует Южную Корею и терпит закономерное поражение. Однако для того, чтобы начинать войну, требуется как минимум уверенность в победе. Между тем, ядерных ресурсов Севера хватит на то, чтобы успешно вести оборонительную войну, но в случае войны наступательной, которую, по мнению некоторых авторов, КНДР может начать ради сохранения внутреннего контроля или ради силового объединения полуострова, ядерное оружие будет не особенно полезно. Оно может обеспечить определённые успехи на первом этапе, но не в случае долгосрочной войны, которая будет столкновением промышленных и ресурсных потенциалов. Как показывает экспозиция северокорейского музея вооружений, в Пхеньяне хорошо представляют себе возможности США и их союзников, и, несмотря на грозную риторику, стратегии Севера лишены шапкозакидательских настроений.

До конца июня 2021 г. Пхеньян не совершал провокаций против Соединенных Штатов. По выражению Р. Лобова, дверь для диалога была закрыта, но не заперта на ключ¹³. 17 июня 2021 г., выступая на III Пленуме ЦК ТПК восьмого созыва, Ким Чен Ын подчеркнул, что для защиты достоинства и интересов самостоятельного развития КНДР, надежной гарантии мирной обстановки и безопасности государства нужно подготовиться и к диалогу, и к противоборству в отношениях с США¹⁴. Исходя из этого война на Корейском полуострове маловероятна, а сценарий, при котором «безумный тиранический режим» устраивает вторую Корейскую войну, в нынешней ситуации, на взгляд авторов, относится к области фантазий.

«**Заговор генералов**» маловероятен по нескольким причинам. Во-первых, КНДР, конечно, не является идеальной командно-административной системой, однако «разложение власти» допустимо только до определенного предела, продиктованного внешним давлением или угрозой. Поскольку возможность конфронтации является реальной, необходим минимальный уровень боеготовности и эффективности административной системы, опускаться ниже которого она не может.

13. Лобов Р. Новый поворот на Корейском полуострове: дверь закрыта, но не заперта на ключ // *РИСИ*, 16 января 2020. URL: <https://riss.ru/article/12356/> (дата обращения: 19.07.2021).

14. Прошло заседание третьего дня III Пленума ЦК ТПК восьмого созыва // *ЦТАК*, 18.06.2021.

Во-вторых, статус Кореи как разделенной страны создает существенную эндемику – с южнокорейской точки зрения КНДР является территорией Республики Корея, временно отторгнутой мятежниками¹⁵. Поэтому РК держит специальный запасной штат чиновников для немедленного контроля над территорией КНДР (Управление пяти провинций), а это существенно меняет ситуацию для потенциальных северокорейских предателей или заговорщиков. Предполагаемый генерал, желающий захватить власть, осознает, что последующая нестабильность может привести к появлению южнокорейцев, которые посадят его в соседнюю с Ким Чен Ыном камеру.

Свою неконкурентоспособность по сравнению с южанами понимают не только чиновники, но и «новые бизнесмены»: чем больше человек знает о Южной Корее, тем больше он понимает не только, насколько хорошо там живут, но и то, что в объединённой Корее, точнее — в увеличившейся вдвое РК им не будет места¹⁶. Местные предприниматели могут не любить Ким Чен Ына, но будущего без него они боятся сильнее.

В-третьих, лидер страны обладает запасом харизмы и легитимности. На момент «интронизации» Ким Чен Ына рассуждения о том, что молодой лидер «не потянет» и станет скорее церемониальной фигурой, были весьма распространены¹⁷: Ким Чен Ын считается человеком 1982 или 1983 года рождения, в статусе наследника он пробыл недолго и особо не проявил себя в качестве автора политических решений. Далеко не все ожидали, что молодой лидер быстро сосредоточит власть в своих руках и пойдёт на такие жёсткие меры, как публичная расправа с Чан Сон Тхэком. На данный момент можно утверждать, что молодой руководитель проявил себя как деятельный лидер, искренне радующий о благе государства в том виде, в каком он его себе представляет.

Ким Чен Ын препятствует созданию клика и внимательно следит за армией. С 2012 по 2016 год он провел чистку десятков генералов, включая начальника Генерального штаба Ли Ён Хо и министра обороны Хён Ён Чхоля. Как своего рода предосторожность можно рассматривать и то, что Ким часто меняет высокопоставленных силовиков: если с 1948 по 2010 гг. в КНДР сменилось 7 министров обороны, то с 2011 по 2020 гг. на этом посту побывало 8 человек¹⁸.

В-четвертых, внешнеполитический фактор. Те режимы, в которых антивластные выступления переросли в революционные протесты, либо не получили поддержки Запада, хотя рассчитывали на нее, как, например, в Египте и Тунисе, либо вообще не имели внешнего прикрытия, как Ливия и Йемен. Северная Корея имеет такое прикрытие в лице Китая и России, которые будут препятствовать попыткам подливать масла в огонь извне.

«Новый трудный поход»? Главными проблемами для экономики КНДР по-прежнему являются продовольственный и энергетический кризисы. По оценкам ООН, около 40% населения Северной Кореи недоедают, а собственного производства зерновых, несмотря на некоторую позитивную динамику середины 2010-х гг., не хватает для

15. Конституция Республики Корея. Ст. 3–4 // *Всё о Корее*. URL: <https://vseokoree.com/vse-o-koree/zakony-i-normativnye-pravovye-akty/konstituciya-respubliki-koreya> (дата обращения: 19.07.2021).

16. А. Баунов. Откровенный разговор с северокорейским бизнесменом // *Слон*, 19.11.2011. URL: http://slon.ru/world/otkrovennyy_razgovor_s_severokoreyskim_biznesmenom-586903.xhtml (дата обращения: 19.07.2021).

17. Заметим, что 1994–1995 гг. были временем скачка подобных иллюзий, когда во время «трудного похода» в устойчивость режима верили немногие: Ким Чен Ыра тоже считали «некомпетентным плейбоем», неспособным осуществлять руководство страной в столь сложных условиях.

18. Lankov A. Another Myanmar? Why there won't be a military coup in North Korea any time soon // *NK News*, February 3, 2021. URL: <https://www.nknews.org/2021/02/another-myanmar-why-there-wont-be-a-military-coup-in-north-korea-any-time-soon/> (accessed: 19.07.2021).

обеспечения минимального необходимого уровня потребления¹⁹. У КНДР нет собственных запасов нефти и газа, а большая часть местного каменного угля больше подходит для использования в металлургии, чем в качестве топлива. В связи с этим стране приходится импортировать продовольствие и энергоресурсы.

Тем не менее, повторение масштабного экономического кризиса 1990-х гг. в Северной Корее маловероятно. Тогда триггером и основным фактором выступил переход торгово-экономических связей с бывшими социалистическими странами (прежде всего, СССР) на рыночные принципы, к чему командно-административная экономика КНДР оказалась не готова. Ситуация усугубилась стихийными бедствиями, нанесшими существенный ущерб сельскому хозяйству страны. В результате Пхеньян был вынужден обратиться за гуманитарной помощью к другим странам. С тех пор в экономической системе КНДР произошли изменения. В различных сферах стали распространяться рыночные отношения, и хотя государство пока не пошло на признание частной собственности и открытое поощрение предпринимательства, де-факто частное хозяйствование получило свое развитие, способствуя экономическому росту. Другим важным фактором позитивной экономической динамики в начале 21 века стало расширение внешнеэкономических связей, в особенности внешней торговли. По южнокорейским оценкам, внешний товарооборот Северной Кореи увеличился с 2,395 млрд долл. в 2000 г. до 7,610 млрд долл. в 2014 г.²⁰, то есть более чем в 3 раза.

Во второй половине 2010-х гг. Совет Безопасности ООН ввел в отношении КНДР жесткие экономические санкции в ответ на проведенные ядерные и ракетные испытания. Введенные ограничения распространились на 90% экспорта республики и около 30% ее импорта, а также на сферу иностранных инвестиций и выезд северокорейских трудовых мигрантов за рубеж. Санкции 2016–2017 гг. стали серьезным испытанием, но Пхеньян довольно быстро к ним приспособился как за счет усиленного перехода экономики на самообеспечение, так и за счет различных тактик обхода установленных запретов. Продолжение экономического сотрудничества с Китаем, на который приходится более 90% всей внешней торговли КНДР, также помогло смягчить последствия международных санкций для северокорейской экономики в 2018–2019 гг. По имеющимся данным, уровень цен на основные продукты питания и бензин, а также неофициальный рыночный курс воны к доллару в этот период были относительно стабильны²¹.

Более серьезным испытанием для руководства КНДР стала начавшаяся в конце 2019 г. пандемия коронавируса. С января 2020 г. страна фактически закрылась от внешних связей, чтобы не допустить проникновения опасной инфекции. Сложившаяся ситуация, равносильная торговому эмбарго, показала, что КНДР может какое-то время продержаться за счет внутренних резервов. При этом руководству страны пришлось принимать меры по усилению плановой дисциплины. В условиях ограниченности внутренних ресурсов это негативно отразилось на «рыночном» секторе, вызывая инфляцию и дефицит импортных товаров. При этом руководство не замалчивает наличие экономических проблем, призывая партию и народ смело приступать к их решению. В частности, в июне 2021 г. на III Пленуме ЦК ТПК восьмого созыва Ким Чен Ын отметил напряженное продовольственное положение народа из-за невыполнения плана зернового производства в 2020 г. Одновременно он отметил рост валовой продукции промышленности (на 25% по

19. FAO and WFP, 2019. FAO/WFP Joint Rapid Food Security Assessment — Democratic People's Republic of Korea. Bangkok. P. 26. URL: <http://www.fao.org/emergencies/resources/documents/resources-detail/en/c/1192517/> (дата обращения: 28.06.2021).

20. 2016북한대외무역동향 : [Тенденции внешней торговли Северной Кореи в 2016 г.]. *KOTRA*자료 18-038, 2017. P. 3.

21. *Choi, Ji Young*. The North Korean Economy based on the Market Price and FX Rate // 2020/2021 the DPRK Economic Outlook. Ed. by Suk Lee. Korea Development Institute. Pp. 108–137.

сравнению с аналогичным периодом прошлого года), а также «значительный рост в количественном отношении натуральных товаров» по итогам первого полугодия 2021 г.²².

«**Корейская весна**» как аналог арабской тоже маловероятна по целому ряду причин. Первый фактор, который препятствует развитию событий в КНДР по ливийскому образцу, — демографический. Движущей силой революций на арабском Востоке была безработная молодежь, которой в Ливии составляла до 40% населения страны. Демографическая структура КНДР совсем другая, молодёжь там имеет достаточно высокую занятость и больше «встроена в систему». Большой срок армейской службы, постоянное участие молодежи в субботниках и в других массовых мероприятиях не оставляют свободного времени, которое является важной предпосылкой для «сытого бунта». Помимо этого, арабская молодежь имела довольно высокий уровень жизни и возможность сравнивать свою жизнь с жизнью за границей. У нее был Интернет как инструмент создания системы горизонтальных связей, который во время революции применялся для быстрого обмена информацией и координации деятельности. В этом смысле «твиттер-революция» в Северной Корее невозможна уже потому, что там нет Интернета.

Дело не только в этом. В КНДР, несмотря на тяжёлое положение и изменившееся отношение к власти, население не воспринимает её главным виновником своих бед. В основном винят природные катастрофы или изменившуюся международную обстановку, включая экономические санкции. Более того, именно среди людей, осведомленных о положении за пределами страны, присутствует отмеченное выше понимание того, что попытки сменить режим повлекут за собой объединение с Югом, где северокорейцы окажутся людьми второго сорта.

Государство активными мерами противодействует угрозам стабильности. Во-первых, усиление информационного контроля, включая «железный» занавес в области современных коммуникационных средств. Во-вторых, настойчивые попытки повысить уровень и качество жизни. Делается это по-разному, но государство явно демонстрирует, что заботится о гражданах. Например, при Ким Чен Ыне увеличились вложения в сельское хозяйство, легкую промышленность²³ и жилищное строительство, что позволило осязаемо улучшить условия жизни значительной части населения, а одним из главных лозунгов прошедшего в январе 2021 г. 8-го съезда ТПК стала фраза «поклоняться народу как небу»²⁴. В-третьих, непростая экономическая ситуация позволяет властям переложить часть ответственности за плачевное положение в народном хозяйстве на чрезвычайные происшествия типа пандемии или стихийных бедствий, а также международные санкции. В-четвертых, сохраняются традиционные методы полицейского контроля. Результаты западных исследований, основанных на опросах северокорейских перебежчиков, показывают, что руководству КНДР довольно успешно удается предотвращать появление опасных для него политических последствий развития рыночного сектора и связанного с ним ослабления социального контроля²⁵.

Третий фактор связан с движущими силами революции: в Северной Корее нет идеологии и организационной структуры, которая удовлетворяла бы этим требованиям и могла бы послужить ядром массовых выступлений. Рассуждения сеульских пропаганди-

22. Открылся III Пленум ЦК ТПК восьмого созыва // *ЦТАК*, 16.06.2021.

23. *Yang Moon-Soo*. The Economic Reform of North Korea in the Kim Jong Un Era: Status & Evaluation. Korea Development Institute. Working Paper. June 2021. P. 2.

24. О докладе уважаемого высшего руководителя товарища Ким Чен Ына VIII съезду ТПК // *ЦТАК*, 09.01.2021.

25. *Dukalskis A.* North Korea's Shadow Economy: A Force for Authoritarian Resilience or Corrosion? // *Europe-Asia Studies*, 2016, 68:3. P. 489.

Dukalskis A., Joo Hyung-Min. Everyday Authoritarianism in North Korea // *Europe-Asia Studies*, 2021, 73:2. DOI: 10.1080/09668136.2020.1840517.

стов, касающиеся «катакомбной церкви», остаются фантазиями²⁶. Нет в КНДР и диссидентского движения советского образца. Та часть «интеллектуальной субэлиты», которая была основным источником кадров для диссидентского движения СССР, в Северной Корее или является частью номенклатуры, работая в ВПК и находясь под жестким контролем, или озабочена собственным выживанием. У северокорейских «диссидентов» нет возможности официально транслировать свою точку зрения, которой обладали диссиденты в СССР при М. Горбачеве.

Сценарии на будущее

Оценив угрозы настоящему, поговорим о будущем Северной Кореи, выделив основные факторы, которые окажут на нее влияние.

Первый фактор — **общая политическая обстановка в регионе**. Действия северокорейского руководства часто являются ответом на внешние вызовы суверенитету республики. Так, например, процесс денуклеаризации станет возможным только тогда, когда Северная Корея перестанет чувствовать прямые угрозы и необходимость полагаться на ядерное оружие для своей защиты. Однако для изменения ситуации в этом направлении потребуются настолько тектонические сдвиги в мировой политике, что авторы относят их к области фантастики²⁷.

Связанным фактором является уровень текущего американско-китайского противостояния, который будет частично определять место Северной Кореи на стратегической карте и стратегии Пекина и Вашингтона на северокорейском направлении. Такой вариант развития событий открывает несколько опций разной степени вероятности.

При усилении противостояния двух великих держав Северная Корея оказывается единственным гарантированным союзником Китая в Северо-Восточной Азии. Несмотря на существующие разногласия, Китай будет поддерживать Северную Корею на плаву, обеспечивая ей минимально необходимый уровень существования.

Вероятно, Китай будет стараться более активно вовлекать КНДР в свою орбиту, делать её более прокитайской. Однако в Пекине понимают, что если внешнеполитические рекомендации в Пхеньяне ещё могут выслушать, то советы относительно внутренней политики оставят без внимания, в первую очередь потому, что Северная Корея не сможет пойти китайским путём реформ из-за иных стартовых условий²⁸. Кроме того, попытки Китая подтолкнуть к экономическим реформам встречают явное сопротивление со стороны КНДР, воспринимающей подобное давление как прямой вызов своей политической идентичности²⁹.

На этом фоне существует маловероятный вариант того, что Соединённые Штаты будут пытаться отколоть Северную Корею от Китая. Возможно, Пхеньян и хотел бы обеспечить себе режим независимости между двумя сверхдержавами, как он делал это во времена холодной войны. Но для того чтобы американские предложения были приняты, они должны быть серьёзными и реалистичными. Это тот уровень политической гиб-

26. Толстогулаков И.А. Религия в системе ценностей северокорейского общества // Доклад на IV Международной корееведческой конференции, 4–7 октября 2010 г., Владивосток.

27. Асмолов К. Нет перспективы денуклеаризации КНДР // РСМД, 20 апреля 2021.

URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/net-perspektivy-denuklearizatsii-kndr/> (дата обращения: 19.07.2021).

28. Haggard S., Noland M. Hard Target: Sanctions, Inducements, and the Case of North Korea. Stanford, California: Stanford University Press, 2017. P. 235.

29. Tat Yan Kong. How China views North Korea's readiness to reform and its influence on China's North Korea policy in the post-Cold War era // *The Pacific Review*, 2021, 34:1, 85–112. DOI: 10.1080/09512748.2019.1651384.

кости, на который нынешняя американская администрация, скорее всего, не пойдёт. Наоборот, пока мы видим тренд на ужесточение политики США на северокорейском направлении, в частности, усиление давления по линии прав человека.

Конечно, необходимо учитывать и то, что американская политика в отношении КНДР не обязательно останется такой, как сейчас. И Б. Клинтон, и Дж. Буш-младший, и Д. Трамп начинали своё правление с ужесточения риторики по отношению к Пхеньяну, но затем под влиянием реальности переходили к более конструктивному подходу. Если противостояние Китая и США ослабеет, то возможность совместного давления на Северную Корею может открыться, однако пока эти причины не кажутся реалистичными на фоне заявлений о том, что противостояние КНР и «мира демократии» носит не политический, а ценностной характер³⁰.

Второй фактор связан с **уровнем самообеспеченности экономики КНДР и эффективностью ее экономической системы**. При Ким Чен Ёне был достигнут определенный прогресс в импортозамещении в некоторых отраслях легкой промышленности, увеличилось внутреннее производство продовольствия и текстильной продукции. Однако реализовать амбициозные цели по созданию синтетического топлива на основе каменного угля или обеспечить страну необходимыми удобрениями собственного производства пока что не удалось. Объективно оценивая возможности КНДР в современных условиях, можно отметить сохраняющуюся недостаточность внутренних ресурсов для устойчивого экономического роста. Страна все еще в высокой степени зависит от импортных поставок продовольствия, оборудования, энергоносителей, некоторых видов сырья, продукции химической промышленности и т.д. При этом тесные отношения с Китаем позволяют Пхеньяну использовать внешние резервы для восполнения дефицита топлива, удобрений, продовольственных и потребительских товаров и т.д. Такая модель отношений уже сформировалась и продемонстрировала свою устойчивость в период ужесточения санкций. В настоящее время в Северной Корее ведется подготовка специальных центров для дезинфекции импорта в условиях пандемии. Последующее возобновление торговли (и поставок гуманитарной помощи) способно стабилизировать продовольственную ситуацию в КНДР и придать импульс развитию экономики.

Другой важный вопрос — судьба перехода северокорейской экономики от командно-административной модели к рыночной. При Ким Чен Ёне были приняты меры по децентрализации экономического управления, включая сокращение или отмену спускаемых сверху директивных планов для некоторых предприятий, расширению их автономии в организации производственного процесса и материальному стимулированию сотрудников³¹. Однако дальнейшего институционального развития использование рыночных механизмов не получило, поскольку частная собственность, как и частное предпринимательство в Северной Корее, все еще вне закона. Более того, серьезным фактором, осложнившим процесс экономического реформирования, стало ужесточение международных санкций, существенно сузивших ресурсную обеспеченность экономики КНДР. В результате правительству приходится направлять стратегически необходимые ресурсы в приоритетные сферы, ограничивая самостоятельность предприятий и расширяя масштабы директивного планирования. Дополнительным драйвером данного процесса стала пандемия коронавируса, от которой Северная Корея предпочла изолироваться. В таких условиях возможности экономического роста КНДР оказываются существенно ограниченными, а сама экономика продолжит находиться под контролем государства.

30. Communist China and the Free World's Future // *U.S. Department of State*, July 23, 2020.

URL: <https://www.state.gov/communist-china-and-the-free-worlds-future-2/> (accessed: 19.07.2021).

31. *Yang Moon-Soo*. The Economic Reform of North Korea in the Kim Jong Un Era: Status & Evaluation. Korea Development Institute. Working Paper. June, 2021. P. 21.

Третий фактор — это **вопросы политического лидерства**. Здоровье Ким Чен Ына является фактором, который нельзя не учитывать: стресс, который он испытывает как ответственный политик, сахарный диабет и возможные проблемы с сердцем. При этом совершеннолетних детей у Ким Чен Ына нет, а насколько страна готова к тому, чтобы этот пост унаследовала сестра, неясно.

Пока никаких привычных признаков подготовки преемника не просматривается. Однако А. Соловьёв³² обращает внимание на то, что риторика, связанная с Пэкту, претерпевает некоторые изменения: теперь под ней понимаются не только «пэктусанские руководители». Отсюда можно сделать осторожный вывод о том, что руководство страны рассматривает вариант, при котором в критической ситуации власть может унаследовать и не представитель семейства Ким.

Исходя из вышеперечисленного, можно выделить несколько сценариев развития событий на краткосрочную и среднесрочную перспективу.

Первый сценарий можно условно назвать «статус-кво». Ким Чен Ын продолжает руководить страной, которая продолжает обеспечивать свой суверенитет за счет ядерного оружия. Уровень жизни граждан может снижаться или повышаться в зависимости от успехов экономической политики и внешних факторов, а трудности, стоящие перед страной, будут списываться как на объективные причины, так и на то, что процесс борьбы с антисоциалистическими и несоциалистическими пережитками идёт недостаточно быстро.

Данный вариант развития предполагает «текущий» уровень напряженности. При этом конкретные сценарии могут отличаться. Либо Северная Корея не пойдёт на серьёзное обострение, сохраняя в силе данные Д. Трампу обещания не запускать МБР. Либо, в ответ на встречное давление, КНДР повышает ставки, и начинается новый виток противостояния, по итогам которого администрация Дж. Байдена вступает в переговоры, за которыми следует возвращение ситуации на нынешний уровень.

Разумеется, у подобного плана есть риски, потому разумно в рамках **второго** (по счёту, но не по значению) **сценария** описать вариант, при котором на фоне обострения отношений контроль оказывается утрачен, и мы сталкиваемся с той или иной формой силового противостояния. Это не обязательно означает обмен ядерными ударами, хотя повышение уровня эскалации весьма вероятно: в случае начала войны Северу логично сразу бить крупным калибром³³. Иное дело, что Северная Корея не заинтересована в иницировании конфликта. С точки зрения причин конфликта, по мнению авторов, с заметным отрывом лидирует стечение обстоятельств — пресловутая «война из-за кролика»³⁴ и вероятность её в условиях обострения ситуации и отсутствия коммуникации между сторонами закономерно возрастает.

На втором месте среди причин возможного военного конфликта — ситуация, при которой на фоне экономических трудностей в КНДР и кризиса компетентности в американской аналитике Соединённые Штаты принимают решение о «маленькой победоносной войне».

32. Александр Соловьёв. Некоторые особенности эволюции политического мифа КНДР: опыт конструктивистского анализа // Доклад на конференции «Модернизация Кореи: в прошлом и в современности», 8–9 апреля 2021 года, Zoom.

33. А.Л. Поленова, Р.Н. Лобов. Совместный ситуационный анализ ИДВ РАН и ИСАА МГУ // Проблемы Дальнего Востока, 2017. № 5. С. 168–171.

34. Подробнее о термине: Асмолов Константин. Корейский полуостров: война из-за кролика? // Новое восточное обозрение, 14.03.2016. URL: <http://ru.journal-neo.org/2016/03/14/korejskij-poluostrov-vojna-iz-za-krolika/> (дата обращения: 19.07.2021).

На третьем месте — война вследствие провокации, на которую вполне способны «Борцы за свободную Северную Корею» или «Свободный Чосон». Учитывая, что в данных кругах всерьёз обсуждались варианты биотерроризма (занесение в КНДР коронавируса, чтобы спровоцировать массовые беспорядки³⁵), этот вариант исключать нельзя.

Третий сценарий можно условно назвать «китаизацией». В этом случае влияние Пекина на Пхеньян усиливается, в формальной риторике будет меньше суверенности и больше разговоров про общий социалистический путь, мера вмешательства Китая во внутреннюю политику может варьироваться. В обмен на большую лояльность увеличится объём экономической и политической поддержки, что сделает Север более жизнеспособным и более зависимым от решений Пекина.

Отметим, что вероятность этого сценария несколько увеличивается в случае смены руководства КНДР на представителей другого семейства, краха экономической системы в результате истощения резервов страны, либо проникновения коронавируса и предложения Пекином помощи в борьбе с ним.

Четвертым сценарием является ситуация, при которой в большой степени новое, в гораздо меньшей степени нынешнее руководство КНДР все-таки утрачивает контроль над положением в стране. Причиной этого могут быть обстоятельства, когда на фоне падения дееспособности Ким Чен Ына коррупционные элементы в руководстве берут власть в свои руки. КНДР тогда превращается в классическую «страну-изгой», где правящие круги озабочены исключительно личным благополучием, а проблемы населения игнорируются или решаются силовыми методами. Однако такой период, скорее всего, будет кратковременным, поскольку подобной ситуацией вынужденно займётся либо Китай, либо Соединённые Штаты.

Что касается сценария, при котором происходит объединение Кореи (поглощение Севера Югом), в обозримой перспективе он практически не просматривается. Даже новое поколение южнокорейских консерваторов не ставит первоочередной целью сокрушение режима и воссоединение. Всем понятно, что за это придётся заплатить слишком высокую цену. В случае тотального кризиса в КНДР Юг, разумеется, будет пытаться участвовать в его разрешении, но вряд ли сможет играть ведущую роль.

Не менее фантастическим выглядит вариант, при котором КНДР удастся переломить ситуацию. Принятие Севера в ядерный клуб позволило бы снизить напряжённость и стало бы шагом к решению проблемы. Однако международное сообщество считает главным аспектом ядерной проблемы Корейского полуострова именно желание Севера стать признанной ядерной державой. Поскольку это разрушает существующую модель миропорядка, основанную на авторитете ООН и ядерном оружии как инструменте избранных, этот вариант тоже маловероятен. Не исключено, что в скором времени эта модель начнёт демонстрировать признаки кризиса, однако пока Совет Безопасности, несмотря на серьёзные внутренние разногласия, единогласно поддерживает санкционные инициативы в ответ на ядерные (и некоторые ракетные) испытания Пхеньяна.

Как можно заметить, некоторые сценарии как бы вытекают из предыдущих, однако если ранжировать их по степени вероятности и присвоить им очень условное процентное выражение, то статус-кво, на наш взгляд, занимает около 50%. Китаизацию можно оценить примерно в 15%, обострение — 10% и примерно столько же — «новый трудный поход». Прочие варианты имеют существенно меньшую вероятность.

Таким образом, в краткосрочной и среднесрочной перспективе авторы довольно высоко оценивают степень устойчивости КНДР в ее нынешнем виде за счет сочетания внутренних и внешних факторов. Ядерное оружие играет роль сдерживающего фактора в отношении внешней угрозы. Внутренние риски пока что также удастся держать под

35. [Interview] Defector groups get paid to launch propaganda balloons, former N. Korean soldier says // *Hankyoreh*, June 15, 2020. URL: http://english.hani.co.kr/arti/english_edition/e_northkorea/949419.html (accessed: 19.07.2021).

контролем. Глобальное противостояние Пекина и Вашингтона повышает стратегическую значимость Северной Кореи для Китая как буфера и требует поддержания ее стабильности. В таком контексте сотрудничество с КНР может позволить КНДР компенсировать нехватку внутренних ресурсов и поддерживать приемлемый уровень экономического развития без проведения рискованных рыночных реформ.

Литература

Ленин В.И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме // Ленин В. Полное собрание сочинений. Т. 41.

Стратегический глобальный прогноз 2030. Расширенный вариант / Под ред. ак. А.А. Дынкина. М.: Магистр, 2011.

Choi, Ji Young. The North Korean Economy based on the Market Price and FX Rate. 2020/2021 the DPRK Economic Outlook. Ed. by Suk Lee. Korea Development Institute.

Dukalskis A. North Korea's Shadow Economy: A Force for Authoritarian Resilience or Corrosion? // *Europe-Asia Studies*, 2016, 68:3.

Dukalskis A., Joo Hyung-Min. Everyday Authoritarianism in North Korea // *Europe-Asia Studies*, 2021, 73:2. DOI: 10.1080/09668136.2020.1840517.

Eberstadt N. The End of North Korea. AEI Press, 1999.

FAO and WFP, 2019. FAO/WFP Joint Rapid Food Security Assessment – Democratic People's Republic of Korea. Bangkok. URL: <http://www.fao.org/emergencies/resources/documents/resources-detail/en/c/1192517/> (accessed: 28.06.2021).

Future of North Korea. Expert Survey Report. July 2014. Ilmin International Relations Institute. URL: https://www.ncnk.org/resources/publications/IIRI_Expert_Survey_Report_-Eng.pdf (accessed: 08.05.2021).

Haggard S., Noland M. Hard Target: Sanctions, Inducements, and the Case of North Korea. Stanford, California: Stanford University Press, 2017.

Tat Yan Kong. How China views North Korea's readiness to reform and its influence on China's North Korea policy in the post-Cold War era. // *The Pacific Review*, 2021, 34:1, 85–112. DOI: 10.1080/09512748.2019.1651384.

Tullock G. Autocracy. Dordrecht: Springer Media, 1987.

Svolik M. Power Sharing and Leadership Dynamics in Authoritarian Regimes // *American Journal of Political Science* 53, no. 2 (2009).

Yang Moon-Soo. The Economic Reform of North Korea in the Kim Jong Un Era: Status & Evaluation. Korea Development Institute. Working Paper. June 2021.

2016북한대외무역동향 : [Тенденции внешней торговли Северной Кореи в 2016 г.] // *KOTRA*자료 18–038, 2017.

VIEW POINT

Problems and Prospects for the DPRK's Development: Forecasting Model-2021

Konstantin V. Asmolv

Ph.D. (History), Leading Researcher of the Center for Korean Studies, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000–0003–1584–2748. E-mail: asmolov@ifes-ras.ru.

Liudmila V. Zakharova

Ph.D. (Economics), Academic Secretary, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000–0001–6164–3518. E-mail: zakharova@ifes-ras.ru.

Received 03.08.2021.

Abstract:

Since the 1990s, there have been many publications predicting an imminent "collapse of the North Korean regime" or a shift of the country's political vector. However, this has not happened so far, and the DPRK's political regime continues to exist. What leads to such chronically unrealistic forecasts for North Korea, and what are alternative options for the future of this country in the short and medium term?

Revising a number of unfulfilled predictions, the authors try to explain the reason for these failures. They are usually closely related to an ideological framework, lack of information and dependence on certain sources, which leads to an underestimation of the DPRK's capabilities and misinterpretation of data, when any event is seen as a sign of the regime's imminent collapse. Using the theoretical approaches of G. Tallok and V.I. Lenin, the article identifies the main types of threats to the current political regime (external invasion, a coup within the elite, economic collapse, mass protests), as well as the likelihood of their implementation under the current policies of the DPRK leadership. The authors describe several development scenarios based on an analysis of factors that can affect the situation in North Korea in the short and medium terms. The option of maintaining the status quo with the current ruling elite staying in power is ranked first in terms of likelihood. Less likely scenarios include "sinofication" due to Beijing's growing influence on Pyongyang, military escalation leading to an armed conflict on the Korean Peninsula, political and economic crisis.

Key words:

North Korea, domestic policies of the DPRK, North Korean economy, Kim Jong-un, scenario forecasting.

For citation:

Asmolov K.V., Zakharova L.V. Problems and Prospects for the DPRK's Development: Forecasting Model-2021 // *Far Eastern Studies*. 2021. No. 4. Pp. 134–147.

DOI: 10.31857/S013128120016161-8.

References

- Choi, Ji Young. The North Korean Economy based on the Market Price and FX Rate // *2020/2021 the DPRK Economic Outlook*. Ed. by Suk Lee. Korea Development Institute.
- Dukalskis A. North Korea's Shadow Economy: A Force for Authoritarian Resilience or Corrosion? // *Europe-Asia Studies*, 2016, 68:3.
- Dukalskis A., Joo Hyung-Min. Everyday Authoritarianism in North Korea // *Europe-Asia Studies*, 2021, 73:2. DOI: 10.1080/09668136.2020.1840517.
- Eberstadt N. The End of North Korea. AEI Press, 1999.
- FAO and WFP, 2019. FAO/WFP Joint Rapid Food Security Assessment – Democratic People's Republic of Korea. Bangkok. URL: <http://www.fao.org/emergencies/resources/documents/resources-detail/en/c/1192517/> (accessed: 28.06.2021).
- Future of North Korea. Expert Survey Report. July 2014. Ilmin International Relations Institute. URL: https://www.ncnk.org/resources/publications/IIRI_Expert_Survey_Report_-Eng.pdf (accessed: 08.05.2021).
- Lenin V.I. Detskaja bolezn' «levizny» v kommunizme [The childhood disease of "leftism" in communism] // *Lenin V. The complete collection of works*. Vol. 41. (In Russ.).
- Haggard S., Noland M. Hard Target: Sanctions, Inducements, and the Case of North Korea. Stanford, California: Stanford University Press, 2017.
- Strategicheskij global'nyj prognoz 2030 [Strategic Global Forecast 2030]. Rasshirennyj variant. Pod red. ak. A.A. Dynkina. M.: Magistr, 2011. (In Russ.).
- Tullock, Gordon. Autocracy. Dordrecht: Springer Media, 1987.
- Svolik, Milan. Power Sharing and Leadership Dynamics in Authoritarian Regimes. // *American Journal of Political Science* 53, no. 2 (2009).
- Tat Yan Kong. How China views North Korea's readiness to reform and its influence on China's North Korea policy in the post-Cold War era. // *The Pacific Review*, 2021, 34:1,85–112, DOI: 10.1080/09512748.2019.1651384.
- Yang Moon-Soo. The Economic Reform of North Korea in the Kim Jong Un Era: Status & Evaluation. Korea Development Institute. Working Paper. June 2021.
- 2016북한대외무역동향 : [Trends of North Korean Foreign Trade in 2016]. *KOTRA*자료 18–038, 2017. (In Korean).